

«Спасибо, что не убили»

колесо обозрения

Но завершение спортивной карьеры получилось еще даже лучше, чем я ожидала. Так что слава богу, что я смогла переключиться моментально, просто мгновенно, по щелчку, с карьеры спортсменки на карьеру функционера. По-моему, даже мечтать об этом было невозможно!

— Действительно, благодаря господину Коэ...

— Да что же вы с этим Коэ ко мне прицепились?! — Исинбаева была, казалось, возмущена.

И даже не казалось. Ведь он же не стоил мизинца ее шеста.

— Ну хорошо, просто так вышло, у вас была полноценная предвыборная кампания перед выборами в МОК?

— Ну-ка, расскажите мне, какая это у меня была кампания? — она не просто насторожилась, а была, помоему, на грани. — Что за кампания у меня у меня была.

Впрочем, я это учитывал, и за нами сейчас шла пустая моя машина, на всякий случай, если бы мне пришлось неожиданно выйти. Все-таки на волейбол-то хотелось успеть.

— Благодаря дисквалификации и вашему иску, так вышло, все о вас говорили эти недели, все обсуждали бесконечно...

— Да просто в мою ситуацию все спортсмены вошли...

Я был согласен, и мне в самом деле было страшно даже представить себя на ее месте: четыре года ты об этом думаешь и делаешь все, чтобы это сделать, и можешь, а потом вдруг господин Коэ... Да что я все с этим Коэ... И вдруг тебя просто вышвыривают за борт и говорят, что ты не просто никто, а, если разобраться, ничтожество, потому что живешь в стране, которая покровительствует допингу... И все, мечта твоя растоптана и даже уничтожена... Но ужас-то еще и в том, что спортсмены из других федераций при этом выступают, вот в чем ужас. И их мечту не растоптали. И если бы не господин Коэ... Почему именно IAAF?. Почему так катастрофически не повезло именно ей? Почему именно с ней, Исинбаевой...

Или о чем еще она думала всеми этими бессонными ночами — а они были, я теперь это уж точно видел. И их было много. Может быть, все.

— Спортсмены,— говорила она,— понимали, что это чисто жизненная несправедливость. Это может коснуться любого, они это понимали! Именно потому, что им было так легко поставить себя на ее место, они и проголосовали за нее. Я представляю ужас, который должен обнять каждого из них, кто ставит себя на ее место. Конечно, она обречена была стать членом МОК. — Результат 4.90 (на чемпионате России.— А. К.) в Чебоксарах показал, что я действительно готова бороться за золотую медаль!.. Но мы предполагаем, а Бог-то располагает! И все к лучшему!

Ну сколько еще ей можно было себя тут утешать... Видимо, так оно и должно было быть, такой и должна была быть моя замечательная кондовка моего... завершения... так, стоп... так, моего завершения... Правильно? В общем, я закончила, понята?..

— Да, а вот все про вас сейчас говорят, и вы уже член МОК, и впереди такая бурная жизнь... А вы променяли бы все на то, чтобы выйти сейчас с шестом в сектор? — этому вопросу не хватало великодушия, но все остальное в нем было.

— А я думаю, знаете, как? А я думаю, вот так... Вот так должно было быть... Я должна была сегодня выиграть золотую олимпийскую медаль, а вчера меня должны были избрать в МОК. Вот так.

Я, можно сказать, похолодел. Господи, это ведь и было именно то, что она задумала себе с самого начала. И все эти разговоры про замечательную кондовку — великий блеф, и она просто не выдержала и проговорилась сейчас про это. Вот что она задумала.

И ведь так могло и быть. Даже очень могло. И вот это была бы концовка.

— Только второй план сработал, а первый нет,— засмеялась Лена. — Она вдруг именно в это мгновение стала гораздо понятней и, не побоюсь этого слова, ближе. Так ведь всегда бывает, когда люди начинают говорить правду.

— А вы понимаете,— спросил я,— что именно сейчас, вот пока мы с вами разговариваем, идут соревнования в секторе для прыжков? — Серьезно? Удивительно!...— она, конечно, помнила об этом все это время.— Вот о чем я не думаю, так об этом.

— Правда? — Правда! — Зря она так. — Меня сейчас в Русском доме так чествовали, что я вообще забыла, что я не прыгала.

Чествовали ее последние минут двадцать. Значит, все остальное время помнила.

— На стадион-то вы почему не пошли посмотреть?

— Смотрите! Вот смотрите. Говорю вам по чесноку. Значит, так... Мне на самом деле неинтересно.

Тут я верил. Это то, в чем она старалась, я думаю, искренне себя убедить.

— Девочек я знаю. Но в отсутствие меня в секторе мне даже самой неинтересно смотреть! Была бы, не знаю, какая-нибудь яркая участница Олимпиады... Я их всех знаю, я знаю, чем они живут... Я знаю эту несправедливость, в которой оказалась российская легкая атлетика априори... Мне жаль это говорить, потому что это мой вид спорта, это то, благодаря чему я реализовалась, но в данной ситуации я поняла, какая там странная у них эта... структура.

Тут она, видимо, посчитала, что не до конца убедительна с версией, почему она не на стадионе, где так хорошо всех знает, что ей не может не быть интересно, что со всеми этими людьми будет происходить в секторе для прыжков:

— И вторая причина, почему я не смогла пойти: я смотрела борьбу, потому у меня встреча в Русском доме, а теперь мы едем на волейбол.

Конечно, как будто нельзя было отменить и то, и другое, и третье... Она как будто алиби себе обеспечивала этой борьбой.

— А по телевизору посмотреть в лаунж-зоне в перерыве волейбола?

— Я думаю, что сейчас это уже закончится,— очень серьезно сказала Лена.

— Нет, это не скоро закончится.

Это должно было закончиться вместе с волейболом, я специально считал: в планы входило посмотреть прыжки в перерыве.

— Ой да что вы! — вскричала она.— Неужели!

— Конечно. Мы посмотрели десять минут назад. Они прыгнули 4.70. Американка...

— Морис? — нервно переспросила Исинбаева.

— Нет, эта...

— Сур?

— Да, Сур! Сур еще даже, по-моему, не начинала...

— Угу,— сказала Исинбаева.

— Кубинка прыгнула...

— Она прыгнула... — с переднего места сказал ее муж Никита Петинов.— Американка 4.60 прыгнула. — А мне неинтересно,— сказала Исинбаева,— ну действительно... Ну может, интересно будет послушать их интервью в микс-зоне...

Это было уже кое-что. — Что они скажут насчет того, как они будут относиться к своим медалям...

Они, видимо, должны были сказать, что без Исинбаевой эти медали не имеют никакой ценности для них.

— Если быть объективными и трезво расценивать свои шансы, то, конечно, отсутствие меня в секторе — это конкуренция не хочу сказать нулевая... но почти нулевая...

— Но справедливости ради,— сказала я,— шансы были и в Лондоне, да?

— Да.

— И вас обошли, и вы стали третьей. Да?

— Нет. Зачем здесь о Лондоне говорить? Мы говорим с вами о настоящем. В настоящем я прыгнула 4.90. В Лондоне у меня была травма, я не смогла подготовиться. А сейчас я готова.

— А есть и сейчас может прыгать. — А если американка и кубинка прыгнут выше 4.90? Это ведь будет означать, что...

— Нет,— перебила она,— сколько бы они сегодня ни выиграли, они же не выиграли это в борьбе со мной. Одно дело Исинбаева в секторе, другое дело Исинбаева вне его...

Она высоко оценивала свои шансы. Не очень ли высоко? Не слишком ли. Не знаю, может, так и надо, чтобы на самом деле выигрывать.

— Без меня,— сказала она,— они, конечно, все смелые. Вот когда я в секторе, там другая борьба идет, психологическая. А если лидера нет, то потенциально каждый из них может победить. И смотреть прыжки с шестом я не буду. — А вы понимаете, что именно сегодня закончилась эта эпоха? И закончили ее вы своими руками, своими словами. То есть не пресс-релизом, а так сказать, своими словами... Сказали, что уходите. И все, эпоха закончилась. — Ну не эпоха... — задумалась она.— Хотя можно, с другой стороны, и так назвать! Она, справедливости ради, засмеялась.

— Это смело можно называть эпохой,— не согласился я.

— Да? Можно? Тогда хорошо! — согласилась она.

— Для меня, да и для всех, наверное, это, может, главное расстроительство Олимпиады: неучастие ваше в ней. Не чье-то поражение, а ваше неучастие.

— Спасибо.

— Я же помню Олимпиаду в Афинах, и как победили, и стояли на крыше Воссо-таверны на рассвете, и пели на полгорода российский гимн, который, наверное, только что выучили... — Не только что... Да? Орала?... — на удивление тихо переспросила она.

Задиристость ее на какое-то время по понятным причинам пропала. — Это уже тогда была великая история,— сказал я.

— Серьезно? Ну да, с мировым рекордом эта победа была, конечно. Мировой рекорд на Олимпийских играх — это огромное достижение, и мало кому удавалось... В прыжках с шестом — так вообще никто и никогда.

— Так вам не хочется сегодня написать? Все это закончилось. Прыжки. Шест. Ничего этого больше нет. Теперь на заседании МОК будете ездить. И чтоб костюмчик сидел.

— Предлагаете?

— Конечно. Вам зачем надо было эту пресс-конференцию устраивать? А если...

— А вот «если» быть не может!

— Ну а если захочется вернуться...

— Ну вернусь, если захочется! Снова соберу пресс-конференцию, скажу: «Друзья, я передумала!» Мне кажется, журналисты всего мира знают, кто я такая, и в этом смысле я человек предсказуемый... То есть от меня можно ждать всего чего угодно!.. Но если опустить юмор, к следующей Олимпиаде мне будет 38 лет. Даже теоретически невозможно.

— А практически?

— Практически, конечно, возможно.

— Есть же узбечка советского происхождения, гимнастка, которой 41 год и которая легко обыгрывает 18-летних.

— Да... На чемпионате России в Чебоксарах все девочки были на десять лет меня младше! То есть я себя чувствовала мамой в секторе! А представляете, что будет еще через четыре года?

Она, без сомнения, представляла себе это.

— Так только интересней!

— Да? Ну если... Ну не знаю, как лучше сказать! Ну если что-то произойдет... В голове... Но все-таки сейчас я заявила о завершении карьеры,— спохватилась она,— это действительно так... Одно дело мне нечем было бы заняться и можно было бы рассматривать вариант о возвращении, но на сегодняшний день у меня такой плотный график...

— Конечно, такой груз свалился...

— Ну вы вообще... Ну вы даете! — она оторопела. — Как вы вообще такое можете говорить? Как вам вообще не стыдно?

Я понял, что пустая машина за мной шла не зря. Хотя я не понимал, что тут такого. — Какой груз? Да еще и свалился? — она действительно почему-то восприняла эти слова как оскорбление. — Груз,— пожал я плечами.— Это ответственность, это работа. Это груз. — Бо-о-о-же мой... Не тяжелее, чем с шестом прыгать, я вас уверяю...

— Неужели?

— Конечно.

— Да просто не пробовали работать в МОК. — Вот! А я вообще такой человек, что, пока не попробую, не скажу. Я буду таким мостиком между спортсменами и МОКом, чтоб не узнавали информацию от третьих лиц испорченными телефончиком... А я четко, грамотно... Сама все буду рассказывать.

— А если опять рука на Россию поднимется, то вы... — Не поднимется!... — Я не ожидал, что она передразнит меня.

— Почему вы так думаете?

— Не-е-е-ет, хватит... Они ж там тоже не железные... — Знаете, я просто облегчение испытал... — Не поднимется. Я очень уверен, слушайте. Если человек в себе и своих действиях не уверен, тогда какой смысл вообще что-либо начинать? Лучше сделать и ошибиться, чем не сделать и сожалеть!

— А вы вообще такой человек, что, пока не попробую, не скажу. Я буду таким мостиком между спортсменами и МОКом, чтоб не узнавали информацию от третьих лиц испорченными телефончиком... А я четко, грамотно... Сама все буду рассказывать.

— А если опять рука на Россию поднимется, то вы...

— Не поднимется. Я очень уверен, слушайте. Если человек в себе и своих действиях не уверен, тогда какой смысл вообще что-либо начинать? Лучше сделать и ошибиться, чем не сделать и сожалеть!

— Поэтому и иск подавали в Швейцарии. А могли бы сейчас в сектор выйти? Вот если бы сказали, что все у вас хорошо...

— В сектор? Нет, конечно. Мы же не роботы. Ну нет. Если ты настраиваешься и целестремленно готовишься, у тебя одна подготовка. Когда ты сидишь, ждешь решения судов, ты вроде тренируешься, но у тебя совершенно другой настрой. А если говорят точное «нет», ты неделю не тренируешься, а потом говорят: «Да, можешь попрыгать»... Нет, ну это было бы свинство. Форму можно потерять буквально за несколько дней, а чтобы набрать, требуются уже недели. Мы же, спортсмены, как зашоренные лошади, идем к своей цели, не видя ничего сторонам... Стоит отвлечься — и все... Теряется концентрация... Если ты физически готов, а голова отключена — все... Уже нельзя переклЮчиться в этот режим зашоренной лошади... Мне больше всего обидно за молодежь. За Кучину, за Шубенкова, за Шкуренева... Они должны были на Олимпиаде раскрыться и побороться за место как минимум в тройке. Кучина вообще могла бы выиграть, она последний чемпионат мира выиграла у всех текот... Шубенков в одну калитку победил всех... как сказать... афроамериканцев... Ладно, у меня это была пятая Олимпиада... Больше всего обидно за них. Все будут старше на четыре года...

— Ну ладно, вы о себе подумайте. Олимпиада разве бывает не первой? Не может быть Олимпиада пятой. Хотя бы после Лондона вы могли и доказали бы, что вы первая. И в этом смысле, после третьего места, эта Олимпиада стала бы первой для вас.

— Я тоже уверена в своей победе. Вот посмотрим, чем сегодня закончатся соревнования.

Вдруг получилось, что она, хотя бы мысленно, участвует сейчас, в эти минуты, в соревнованиях, и уверена в победе, показала 4.90, и ждет, с полотенцем на голове, что покажут остальные...

И в общем, не позавидовать ей сейчас было.

— Посмотрим,— сказала она,— скоро уже закончится... Какие результаты будут...

— А мне кажется, не прыгнут они 4.90,— искренне сказал я.

Очень бы не хотелось. — Не прыгнут. Без Лены неинтересно,— сказала Лена.— Помните нашу дуэль с Сидоровой в Чебоксарах? Она на пять сантиметров превысила свой личный рекорд. Третье место — девочка... Фамилию забыла... Свое лучшее достижение тоже на пять сантиметров улучшила... Это все космос!... Потому что главная цель была — перепрыгнуть Исинбаеву! А я уже ветеран спорта, и теоретически все соперницы сильнее меня... Мы даже когда со Светой Феофановой боролись...

Одна — мировой рекорд, вторая — мировой рекорд... Одна, вторая... У нас была цель — не рекорд установить, а друг другу перепрыгнуть! А если конкурента убирают... Спасибо, что не убили, как говорится. Прости господи... — Вчера на гандболе вы к отцу Андрею подошли и о чем-то с ним говорили полторы минуты, а он потом сказал, что это важный разговор был. И правда так? И что вы все скажете...

— Ну, он грамотные вещи сказал. А я и сказала...

— Про то, что всех прощаете, и Коэ даже...

— Где сказала? — удивилась она.

— На пресс-конференции сегодня... Не помните... — Да, сказала. Потому что я и правда не Бог, не судья, чтобы людей судить... Не суди, да не судим будешь.

— Это отец Андрей сказал, когда вы к нему через два ряда перегнулись, а он чуть не на пол лег?

— Да.

— Видимо, о многом успели за полторы минуты...

— Вот все вам расскажи! Мало ли чего он еще сказал. Он очень хорошие, нужные вещи сказал. И мне после разговора с ним вообще легко стало. Я думаю: «Боже мой, вообще все так легко! А мы так себе жизнь усложняем...»

— А вот ваша дочка Ева когда-нибудь скажет, что она хочет прыгать с шестом. Вы ей пожелаете такой судьбы?

— А что у меня за судьба?

— С одной стороны, безумно счастливая судьба, а с другой — очень уж трудная.

— Что мы скажем, муж? — спросила она Никиту, который все это время в разговор благоразумно не вмешивался, да и вообще показывал себя человеком великодушным, каким и должен быть настоящий метатель копья.

— «Не занимайся ерундой» — вот это сказали бы.

И все. Мне было ясно, что Ева прыгать с шестом не будет. Видимо, будет метать копье.

— Да ладно, если захочет, пускай прыгает,— сказала Исинбаева. Шесты есть, ямы есть, шиповки есть... Тренера только нет...

— Тренер есть... — сказал я.

— Да ну, Евгений Васильевич уже не сможет, потому что Ева по характеру такая же, как и я (Еве два года.— А. К.), и Евгений Васильевич просто не сможет вторую такую же воспитать. Мне уже просто жалко будет...

— Ее мама может тренировать.

— Мама? Какая мама?! А, я поняла!.. Да ну что вы! Какой из меня тренер! У меня ни терпения, ничего... Ни в коем случае.

Мы стояли сейчас в какой-то ужасной пробке, из которой не было никакого выхода, и я понимал, что на волейбол мы никак не успеваем. Но хорошо хоть, что я не все еще вопро- сы задал, а у нас пошло дополнительное время.

— Скажите, а о чем вы говорили с президентом, когда в Кремле провозжили сборную в Рио? Все же видели, что он вас позвал и что вы ушли с ним.

— Да кто там что видел... Никто не видел... Не было ничего такого...

— Да я сам видел.

— Видели? Забудьте.

— Это вы забудьте... — не выдержал я.— Не придавайте значения тому, что там было...

— Да что же там было... Вот все мучаются!

— Да я и сам могу вам рассказать, что там было, хотя я, конечно, не могу этого знать. Но это все очевидно.

— Давайте! — заинтересовалась она.— Попробуйте!

— Когда вы ушли с ним, все поняли, что вы вернетесь в Георгиевский зал по крайней мере министром спорта, хотя объявят об этом не сейчас... Но это, конечно, не так. На самом деле ничего особенно там не было. Сказал, думаю, просто что-то, чтобы поддерживать вас в такой ситуации, потому что понимал, в том числе и как спортсмен, что тяжело все это очень...

— Совершенно верно. Просто сказал, чтобы я не расстраивалась. Неожиданно мы вырвались из пробки, рванули к Магасана, где проходит волейбол, и я решил вернуться к теме, на которую она не стала бы, наверное, говорить вначале, потому что предупреждала, что все сказала на пресс-конференции и что лучше даже не надо... А теперь можно было.

— А вот этот канадский спортсмен, который сегодня написал, что вы слишком много на себя берете и что человек, принимавший допинг, не нужен в МОК... Вы его тоже простите после разговора с отцом Андреем? Что-то не похоже. — С его стороны это было так низко... — сказала Лена.— Если он пловец... Я его не знаю... Есть там вообще какие-нибудь призеры или нет, в Канаде...

Она начинала мстить ему прямо сейчас.

— Это низко. И он не знает меня. На самом деле мне его жалко. Его просто использовали.

— Почему же сразу использовали?

— Слушайте, меня избрали в комиссию спортсменов МОК. Наверняка это кому-то не понравилось. И через этого парня этот кто-то решил просто меня оклеветать. Все.

— Может, не стоит начинать работу в МОК с того, чтобы видеть всюду заговоры? А если ему просто приспичило?

— Да ладно, как бы то ни было, мне не первый раз приходится, как говорится, разгребать... Все нормально... Я спокойна.

— То есть судить его, как просил отец Андрей, вы не будете?

— Нет, что вы! — воскликнула она.— Юристу я уже направила! Конечно! Направила скриншот юристу, и будем консультироваться, как вести себя. Ну чтоб другим не было поводом.

— Ясно... И скриншоты вы успели сделать... — Есть же кэш еще... — глухо сказал Никита с переднего сиденья.

Прозвучало это, честно говоря, веско. Не хотел бы я, чтобы он насчет меня что-то такое когда-нибудь сказал с переднего сиденья.

— И кто догадался? — спросил я на всякий случай, хотя и так было ясно кто.

— Муж,— подтвердила Лена.

— Я,— подтвердил муж.

— Значит, все-таки не будете прощать всех? — Тут даже не в прощении дело... — замаялась она.

— Чтоб думал,— донеслось с переднего сиденья.

— Да! — обрадовалась она.— Я сегодня уже серьезный человек! Член МОК! Я должна себя защищать!

— В прыжках с шестом только Сергей Бубка стал функционером МОК... Вас ведь называли Бубкой в юбке...

— Ой, я всегда запрещала себя так называть! У него своя история, у меня своя...

— Правильно, это его должны были называть Исинбаевой в штанах...

С переднего сиденья вдруг донесся раскатистый смех. Там понравилось.

— Он тоже начал с комиссии спортсменов МОК,— подтвердила наконец она.— И теперь все зависит от меня. Как я проявлю себя за эти восемь лет? Как я буду вести себя? Не буду рассказывать. Я и так все знаю, что будет. Все вам расскажи! Есть план.

— В YouTube,— поделился я,— я видел сюжет про одного спортсмена, которого журналист спрашивает: «Скажите, у вас был план и вы его придерживались?» И спортсмен отвечает: «Вы знаете, у меня был план, и я его придерживался». Значит, и у вас есть план.

— И я его придерживаюсь,— подтвердила она.— Муж подтвердил: у меня вся жизнь по плану, да, Никит?

— Утебика... — услышал я оттуда.

— Хотите пример рассказа? 2012 год. Когда я проиграла Олимпиаду. Когда я всем заявила, что ужожу. Потом, что нет, не ужожу. Правда, пресс-конференцию не собирала. И заявила, что возвращаюсь, выигрываю чемпионат мира, потом ужожу в декрет, потом готовлюсь к Олимпийским играм, выигрываю Рио и заканчиваю свою карьеру. И при подготовке к Олимпийским играм познакомилась с одним мануальщиком, банки мне делал. И он мне рассказывает историю. Лена, говорит, я тебя сейчас знаю, а тогда, в 2012 году, я думал, что ты вообще ку-ку. Ты проигрываешь Олимпиаду и заявляешь, что выигрываешь мир, родишь ребенка, выиграешь Олимпиаду и уйдешь. Когда ты выиграла чемпионат мира, я удивился. Когда ты родила ребенка, я еще больше удивился. Когда ты выиграла чемпионат России и сказала, что готовишься к Рио, я тебя зауважал. Только в одном не сработал планчик...

— По-моему, удалось не опоздать... — произнес вдруг Никита.

Мы приехали на Магасана.

Наши волейболисты проиграли бразильцам, и настроения никакого не было вообще. Но я зато знал, что закончились прыжки с шестом и что победила вообще гречанка с результатом 4.85.

То есть Исинбаеву так никто и не перепрыгнул.

И я после игры вдруг встретил ее в лаунж-зоне.

— Вы понимаете,— сказал я ей,— что ваш планчик все-таки сработал?

— Как это? — удивилась она.

— Гречанка прыгнула 4.85. То есть вы сегодня выиграли.

— Получается, что так... — медленно сказала она.

— И я вас поздравляю с победой.

— И правда,— сказала она.— Я же победила.

Андрей Колесников,
Рио-де-Жанейро